

Оригинальная статья

УДК 130.2

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-3-32-42>

Культурфилософский анализ коллективной идентичности и ее репрезентации в кинематографе

Каролина Алексеевна Кравченко¹, Любовь Сергеевна Московчук²

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*

¹kakravchenko@etu.ru, <https://orcid.org/0009-0008-8692-4840>

²lsmoskovchuk@etu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0756-4189>

Введение. Текущие деглобализационные и деколонизационные процессы в культуре ставят задачу переосмысления и системно-целостного анализа понятия коллективной идентичности с позиции философии культуры. Использование культур-философских парадигм позволяет преодолеть ограничения, накладываемые социальным конструктивизмом и психодинамическим подходом к описанию коллективной идентичности, и описать ее как устойчивый объективный интерперсональный феномен. В статье выделяются экстрагенные и интрогенные виды коллективной идентичности, которые отличаются по источнику формирования, обладают разной значимостью для индивида и отличаются по своим характеристикам.

Методология и источники. Исследование базируется на методологических основаниях символического интеракционизма, диалогической модели культуры М. М. Бахтина, дискурсивного подхода Ю. Хабермаса и системно-целостного анализа, разработанного М. С. Каганом.

Результаты и обсуждение. Коллективная идентичность рассматривается как результат соотнесения социокультурного опыта с системой ценностей через коммуникацию. Она включает в себя формирование границ и производство символов, которые направляют течение идентификации. Культурная и этническая идентичности относятся к интрогенным видам коллективной идентичности, для которых характерна экзистенциальная значимость. Обладая динамической природой, идентификация приводит к формированию устойчивой и определенной культурной или этнической идентичности, стремящейся сохранить свои границы и основания даже в случае трансформации оснований. Связано это с тем, что в основе их формирования лежат процессы intersubjectивной интерпретации, коммуникации и соборности. Так, кинематографическое произведение не просто отражает мир прямо, оно представляет его через языки и дискурсы, являясь отражением и социальным выражением, объективируя аксиосферу. Кино в целом и региональное кино в частности отражает культурные ценности и идентичность, моделируя этническое своеобразие и иллюстрируя точки зрения носителей культуры. Такой способ репрезентации освобождает культурную или этническую идентичность от искажений, характерных для экзотизма и этнографизма, возникающих при описании локальных культур глазами Другого.

Заключение. Коллективная идентичность сегодня возможна только через коммуникативное взаимодействие и основана на осознании общих возможностей участия в формировании идентичности, что предполагает равный вклад как индивидов, так и объективированной системы ценностей и символов через коллективную память.

© Кравченко К. А., Московчук Л. С., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: ценности, коллективная идентичность, культурная идентичность, этническая идентичность, философия культуры, кино, кинематографическая репрезентация

Для цитирования: Кравченко К. А., Московчук Л. С. Культурфилософский анализ коллективной идентичности и ее репрезентации в кинематографе// ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 3. С. 32–42. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-32-42.

Original paper

Cultural and Philosophical Analysis of Collective Identity and its Representation in Cinema

Karolina A. Kravchenko¹, Lyubov S. Moskovchuk²

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

¹*kakravchenko@etu.ru, <https://orcid.org/0009-0008-8692-4840>*

²*lsmoskovchuk@etu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0756-4189>*

Introduction. The current processes of deglobalization and decolonization in culture pose the task of rethinking and conducting a systematic and holistic analysis of the concept of collective identity from the perspective philosophy of culture. By utilizing cultural-philosophical paradigms, it becomes possible to overcome the limitations imposed by social constructivism and psychodynamic approaches to describing collective identity, and to describe collective identity as a stable objective interpersonal phenomenon. This article distinguishes between introgenic and extragenic types of collective identity, which differ in their sources of formation, significance for individuals and characteristics.

Methodology and sources. This research is based on the methodological foundations of symbolic interactionism, Mikhail Bakhtin's dialogical model of culture, Jürgen Habermas's discursive approach, and the systemic-holistic analysis developed by Moisey Kagan.

Results and discussion. Collective identity is considered as the result of aligning sociocultural experience with a system of values through communication. It involves the establishment of boundaries and the production of symbols that guide the process of identification. Cultural and ethnic identities are considered as introgenic types of collective identity, characterized by existential significance. Being dynamic, an identification leads to the formation of a stable and defined cultural or ethnic identity that seeks to maintain its boundaries and foundations even in the face of transformative influences. This is related to the processes of intersubjective interpretation, communication, and collectivity underlying their formation. Cinematic works do not merely reflect the world directly; they present it through languages and discourses, serving as reflections of reflections and social expressions that objectify the axiosphere. Cinema as a whole, and regional cinema in particular, reflects cultural values and identity, modeling ethnic diversity and illustrating the perspectives of cultural bearers. This way of representation liberates cultural or ethnic identity from distortions typical of exoticism and ethnographism that arise when describing local cultures through the eyes of the Other.

Conclusion. Currently, collective identity is only achievable through communicative interaction and it is based on the awareness of shared opportunities to participate in identity formation. This implies an equal contribution from both individuals and the objectified system of values and symbols through collective memory.

Keywords: values, collective identity, cultural identity, ethnic identity, philosophy of culture, cinema, cinematic representation

For citation: Kravchenko, K.A. and Moskovchuk, L.S. (2024), "Cultural and Philosophical Analysis of Collective Identity and its Representation in Cinema", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 3, pp. 32–42. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-32-42 (Russia).

Введение. Для социогуманитарного знания исследование процессов и механизмов, связанных с самоопределением человека, всегда представляло особый интерес и особенную сложность. Именно идентичность лежит в основе распознавания Своих и Чужих, формируя не только личность человека, но и создавая коллективное тело культуры и общества. Наблюдаемые в режиме настоящего времени геополитические сдвиги и деглобализационные процессы в культуре ставят перед исследователями новые вопросы о сущности коллективной идентичности, ее структуре и механизмах идентификации. Во все более охваченных кризисом центрах мировой системы наблюдается взрывная утрата веры в возможность и необходимость единообразного видения прогресса цивилизации и возрастание интереса к новому традиционализму – стремление к восстановлению культурно-определенной идентичности через возрождение и ревизию этнокультурных традиций.

Идентичность – сложное психосоциальное явление, которое можно определить как результат обретения собственной самости через отождествление и дифференциацию с другими, и, как справедливо указывает М. Б. Хомяков, вопросы личностной (индивидуальной) идентичности напрямую связаны с проблемой групповых взаимоотношений: «идентичности конструируются как большинством <...> так и меньшинствами – во многом через “отталкивание” от культуры большинства» [1, с. 31], и анализ сущности и закономерностей коллективной идентичности необходим в перспективе развития устойчивого и неконфликтного этнокультурного разнообразия.

Существующие в настоящее время исследования коллективной идентичности часто носят узкоспециализированный характер и нуждаются в систематизации и прояснении терминологии. Так, в научной литературе можно встретить упоминания «культурной идентичности», «этнической идентичности», «национальной идентичности», «региональной идентичности» и многих других, однако комплексные и системные исследования, ставившие перед собой цель прояснения вертикальной и горизонтальной структур коллективной идентичности в реалиях современных децентрализирующих социокультурных процессов, представлены слабо. Среди работ следует назвать исследование социальной идентичности В. Ф. Левичевой, С. Л. Диманса [2], целый ряд публикаций В. И. Немчиной [3, 4 и др.], совместную статью И. В. Демичева и Г. Д. Султановой «Идентичность как социокультурный феномен» [5], работы Е. В. Головнёвой «Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура» [6], В. Е. Буденковой и Е. Н. Савельевой «Идентичность как предмет теоретико-методологического анализа: модели и подходы» [7] и др. Тем не менее большинство работ рассматривают коллективные идентичности в социологическом ключе и не формируют в совокупности целостного представления о структуре коллективной идентичности и понимании места культурной идентичности в этой структуре.

Методология и источники. Сложность исследования феномена идентичности заключается в его множественной природе и многофакторности из-за чего необходимо комплексное применение различных методов исследования и теоретических подходов. Наблюдается устой-

чивая тенденция рассматривать коллективную идентичность и ее разновидности в парадигме социального конструктивизма Б. Андерсона и психодинамической модели Э. Эриксона.

Согласно конструктивистскому подходу коллективная идентичность создается в процессе взаимодействия с отличающимися социальными общностями и зависит от множества культурных, социальных, политических и др. процессов. Акцент в данном случае делается на динамику и трансформацию оснований для коллективной идентичности. Как указывает Б. Андерсон, в основе коллективной идентичности лежат представления о «воображаемых сообществах», каковыми они являются, потому что «члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих братьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности» [8, с. 47]. Сущностные характеристики и границы этих воображаемых сообществ подвижны и постоянно конституируются через культуру, СМИ, идеологии и др. в соответствии с потребностями политических и социальных элит, государственных интересов и т. д. Такой подход обоснован в ситуациях, когда мы рассматриваем коллективные идентичности субъектов, оторванных «от прежнего локализованного культурного образца, грубо говоря, от почвы, территории», подкрепляя символическое преобразование пространства физическим перемещением [8, с. 22–23], но в ситуации, когда мы исследуем культурную идентичность локальных групп, сосуществующих длительное время в условиях многонациональности, такой подход ограничен. Этот подход предполагает принципиальную текучесть и неустойчивость идентичности: «переживаемая, испытываемая идентичность может сохранять свою целостность только при помощи клея фантазии и, возможно, мечтаний» [9, с. 92], где постоянно уточняются границы и идентификационные признаки, что плохо объясняет устойчивость локальных культурных сообществ.

Психодинамическая модель Э. Эриксона, в свою очередь, акцентирует внимание на внутренних сторонах процесса идентификации. В этой концепции идентичность рассматривается как «осознание того, что синтезирование Эго обеспечивается тождеством человека самому себе и непрерывностью, и что стиль идентичности совпадает с тождеством и непрерывностью того значения, которое представляется значимым другим в непосредственном окружении» [10, с. 59]. Идентичность предполагает упражнение в саморефлексии, посредством которого человек взвешивает свои способности и потенциальные возможности, осознает, кем он является как личность. Однако поскольку человек не одинок, а живет с другими, самопознание подразумевает признание себя членом группы, что, в свою очередь означает, что он является членом группы. В рамках этого подхода противопоставляются личностный и социальный виды идентичности, что обрекает исследователя на признание потенциальной конфликтности идентификационных процессов.

Более перспективным для анализа коллективной идентичности и ее видов представляется использование символического интеракционизма, диалогической модели культуры М. М. Бахтина, дискурсивного подхода Ю. Хабермаса и аксиологической модели культуры, предложенной М. С. Каганом, на которые и будут опираться авторы в своем анализе.

Результаты и обсуждение. В рамках социального интеракционизма в основе социального мира лежит множество разнообразных символов, которые «придают значимость человеческой жизни и создают тем самым основу для интеракции – взаимодействия людей друг

с другом в процессе коммуникации» [11, с. 114]. Коллективную идентичность можно рассматривать как результат соотнесения преходящего социокультурного опыта общности людей с системой ценностей в процессе непрерывной коммуникации.

Использование этого подхода, позволяет нам выделить в коллективной идентичности два вектора формирования: формальный, когда субъект разделяет систему ценностей, чтобы чувствовать принадлежность к группе, и сущностный, когда субъект испытывает чувство принадлежности к общности, потому что ему созвучны определенные ценности. Первый случай допускает рассмотрение коллективной идентичности как чего-то внешнего, в определенной степени случайного или выбираемого самим субъектом. К таким формальным видам коллективной идентичности можно отнести национальную (гражданскую) идентичность и региональную идентичность – и их можно назвать экстрагенными. Второй вариант предполагает объективацию ценностей через объединение людей, а потому идентификация протекает через интересубъективную интерпретацию, коммуникацию и соборность, понимаемую как органическое единство. К таким видам коллективной идентичности можно отнести культурную, религиозную, этническую идентичности, которые можно назвать интрогенными.

Признавая процессуальность идентификации, связанную в терминологии М. М. Бахтина с тем, что «человек никогда не совпадает с самим собой. К нему нельзя применить формулу тождества: А есть А» [12, с. 68], следует в то же время подчеркнуть устойчивость и определенность возникающей идентичности. Как указывает Loredana Sciolla, коллективная идентичность включает в себя автономное формирование границ и производство символов, которые, тем не менее взаимодействуют с ожиданиями или проекциями других индивидов, с которыми он также может вступить в конфликт. Этот процесс приводит к неустойчивому равновесию, результатом которого может быть либо модификация индивидуальной идентичности (в крайнем случае выход из группы), либо модификация идентичности самой группы (в крайнем случае разрушение ее коллективной идентичности) [13, с. 59–60]. Именно потенциальная вероятность разрушения коллективной идентичности и подчеркивает внутреннюю потребность индивида или группы в самоидентичности и устойчивости идентичности. Если меняются политические границы, то национальная (гражданственная) идентичность может органично измениться вместе с ними. Если представления о символах и ценностях, формирующих ядро культурной или этнической идентичности, трансформируются под влиянием историко-культурных факторов, то эти виды коллективной идентичности будут стремиться к сохранению самоидентичности и сохранению своих границ.

Юрген Хабермас в «Теории коммуникативного действия» [14, с. 77] различает две фазы интеграции идентичности: символическую и коммуникативную. В символической однородность группы делает возможным преобладание коллективной идентичности над индивидуальной. На этом этапе индивиды оказываются связанными ценностями, образами, мифами, которые составляют нормативную базу группы и, следовательно, выступают спланированными элементами. Коммуникативная интеграция соответствует современным обществам, в которых выраженная специализация влечет за собой разнообразие социальных и культурных пространств современности, а также разрыв убеждений. На этом этапе коллективная идентичность проявляется во все более абстрактной и универсальной форме, так что нормы, образы и ценности больше не могут быть приобретены посредством традиции, а лишь посредством

коммуникативного взаимодействия. В этом смысле необходима активная роль отдельных лиц, от этого зависит, будут ли они идентифицировать себя со своей группой. Коллективная идентичность сегодня возможна только в рефлексивной форме, так что она основана на осознании общих и равных возможностей участия в тех коммуникативных процессах, где формирование идентичности происходит как непрерывный процесс обучения.

Как было указано, культурная и этническая идентичности – результаты intersубъективных переживаний, имеющих экзистенциальное значение для индивида. Опираясь на определение К. Осгуда, согласно которому культура включает в себя совокупность «идей о производстве, поведении и представлениях» человеческого сообщества, полученных из непосредственного созерцания или коммуникации и их осознания [15, с. 58], можно заключить, что в процессе своего социального существования люди постоянно делают преимущественно неосознанный выбор, который определяется применимыми внутрикультурными ценностями. Культурная идентичность относится к созданию и культивированию реальности на основе определенных ценностей, создающих особую символическую реальность, в которой система ценностей и социальная система полностью переплетены и пропитаны деятельностью друг друга.

По поводу тесной взаимосвязи этнической идентичности и культуры С. Рамирес высказывается: «...мы собираемся концептуализировать этническое глобально, включив в понятие этнической идентичности идею принадлежности к культурной группе, ограниченной символическими границами, и идея социально общей культуры присутствует почти во всех определениях этнической принадлежности...» [16, с. 217]. Культура как результат человеческой деятельности порождает общие смыслы и ценности. Но именно в силу своей активной природы культурная идентичность предполагает активную рецепцию ценностей, символов, обычаев, образа жизни и моделей поведения, и это лишь некоторые аспекты в конкретном социальном контексте и историческом моменте. Этническая и культурная идентичности могут рассматриваться как совпадающие в пределах совпадения границ этноса и культуры или взаимодополняющие в случае принятия общей системы ценностей разными этносами.

В настоящее время различные исследования направлены на изучение способов, с помощью которых идентичности, в том числе культурная и этническая, формируются, воображаются, изображаются и передаются через средства массовой информации. Интерес к концептам культурной и этнической идентичности вызван критикой достаточно долго существовавшей культурной, экономической и политической системы, которая претендовала расширить ценностный мир западной культуры на все остальные. Он возникает как критика колониализма, который осуществляли европейские державы в Азии, Африке и Америке и с помощью которого они оправдывали и нормализовали порожденные ими иерархические властные отношения.

Проблема отношения кинематографа к коллективной идентичности, возникающей вокруг культуры, этноса или нации, сложна. С одной стороны, история кино традиционно пишется как истории различных национальных кинотеатров (французского кино, иранского кино и т. д.), и действительно, национальное происхождение фильма продолжает оставаться основным классификационным признаком кинофестивалей. Таким образом, степень, в которой можно сказать, что любое национальное кино «отражает» или выражает определенную национальную культуру, осложняется неравномерным обменом в глобальном потоке

изображений и подменной культурной и этнической идентичностей национальной, т. е. гражданской. Границы нации, будучи зависимыми от политических процессов и событий, подвижны, а потому не могут использоваться в качестве надежного демаркационного принципа, позволяющего проводить кросскультурные исследования кинематографа. Более релевантным для исследований репрезентации коллективной идентичности в искусстве будет обращение к категориям культурной и этнической идентичности, как к более устойчивым и личностно-значимым.

Идентичность и культура являются двумя основными строительными блоками этничности. Следует согласиться с Н. Гашевой, что «обращение современного кино к проблеме этномифологизма представляется нам связанным с поисками новых форм культурной идентичности – процессу, который в 1990–2000-е годы интенсифицируется и имеет во многом противоположную направленность по отношению к модернизации и унификации культурных ценностей в постсовременном глобальном мире» [17, с. 95]. Посредством конструирования идентичности и культуры отдельные лица и группы пытаются решить проблему этнических границ и смысла. Цели производства культуры включают в себя создание коллективного смысла, конструирование сообщества с помощью мифологии и истории и, как следствие, создание символических основ и утверждения ценности этнической мобилизации. Непрерывность и воспроизводимость коллективной идентичности достигается за счет коллективной и индивидуальной памяти, при этом разрыв между индивидуальным и коллективным опытом устраняется за счет коллективной памяти. Утрата коллективной памяти приводит к утрате коллективной идентичности так же, как утрата личных воспоминаний к утрате личности. Один из основных инструментов сохранения коллективной памяти – коммуникация, именно она «заставляет прошлое быть в настоящем или, точнее, наделяет ценностью определенные события прошлого в настоящем» [18, с. 9].

По мнению О. А. Крюковой, в кино находят свое отражение характеристики идентичности, которые при помощи образов моделируют этническое своеобразие и иллюстрируют общность точек зрения носителей культуры на этноинтегрирующие и этнодифференцирующие признаки. К этим характеристикам исследовательница относит следующие особенности: «1) противопоставление образа «мы» (позиция носителя культуры) образу «они» («другие», «чужие»), т. е. носителям иной этнокультурной идентичности; 2) образное воплощение «дома»/«малой родины»/«родной земли»; 3) описание/изображение специфики «родной природы», осмысление взаимоотношений человека и природы; 4) осознание этнической принадлежности автором и его героями; 5) обращение к национально-культурным ценностям, константам, символам, архетипическим образам и мотивам, этноконцептам; 6) культивирование исторического прошлого, мифологии, фольклора и традиционной культуры своего народа, поиск этнических корней; 7) художественное исследование проблем ментальности, национального своеобразия характера и психологических особенностей героев; 8) выявление этнически своеобразного типа, идеала личности (включая антропологические особенности); 9) подчеркивание специфики национальной (в том числе языковой) картины мира; 10) образно-смысловое осуществление идеи духовной преемственности и взаимосвязи поколений; 11) использование характерных антропонимов, гидронимов и др.; 12) стилевые черты поэтики произведений» [19, с. 225].

Кинематографическая репрезентация выполняет символическую функцию распространения этно-культурных систем ценностей и мировоззрений. Это творческая площадка, где заново представлены и переосмыслены культурные ценности и идентичность. Следовательно, любая попытка понять кино, отражающее культурную или этническую идентичность, автоматически влечет за собой изучение коллективного исторического сознания этой этно-культурной общности.

М. Бахтин переформулирует идею репрезентации, чтобы избежать наивной веры в «правду» и «реальность», не оставляя в стороне идею о том, что художественные представления безвозвратно социальны. Историческое сознание и художественная практика, объясняет Бахтин, вступают в контакт с «реальным» не напрямую, а через окружающий их идеологический мир: «Объективность (реальность) даны не в природе, не в сознании, а в истории и культуре; объективность и непрерывная объективация в культурной работе» [20, с. 331]. Литература и в более широком смысле кино не отражают и не относятся к миру, а скорее представляют его языки и дискурсы. Художественный дискурс больше, чем прямое отражение или даже преломление реального, представляет собой отражение отражения. Для Бахтина искусство, несомненно, является социальным не потому, что оно представляет реальное, а потому, что оно представляет собой исторически сложившееся «выражение», набор знаков, которые направляют один или несколько социально сформированных субъектов к цели.

На этом этапе необходимо проанализировать важность дискурса в кинематографических представлениях и построении социальной реальности. Для этого необходимо начать с описания того, что понимается как дискурс. Шохат и Стам, продолжая традицию М. Фуко, рассматривают дискурс, как «архив мультиинституциональных и трансиндивидуальных образов и утверждений, которые обеспечивают общий язык, представляющий знания по определенному предмету». Как «режимы истины», дискурсы обличены институциональными структурами, которые исключают конкретные голоса, эстетику и представления [21, с. 36]. Таким образом, кинематограф может рассматриваться как инструмент формирования коллективной идентичности, ее репрезентации и сохранению. В качестве примера можно привести особый феномен в развитии современного кинематографа – региональное кино, представляющее собой обращение к этно- и культурно значимым темам и образам от первого лица, выступающее рефлексией над процессами коллективной этно- или культурной идентификации. Как отмечает М. С. Каган, «ценностное отношение, рассмотренное со стороны субъекта, реализуется двояко – как отнесение к ценности оцениваемого объекта и как его осмысление» [22, с. 51]. В такой же роли выступает региональное кино по отношению к коллективному субъекту, который получает через него свой голос и позволяет сформулировать этнокультурную систему ценностей, отразить ее и перевести коллективную идентичность из состояний существования «в себе» и «для себя» в объективированную аксиосферу. В кинематографическом произведении коллективная идентичность получает свое системно-целостное воплощение через синкретизм познания, преобразования, ценностного сознания и диалогического общения с носителем иной коллективной идентичности. В результате возникает репрезентация культурной или этнической идентичности свободная от этнографичности и экзотизма, характерных для отражения репрезентации коллективной идентичности глазами Другого.

Заключение. Процесс, посредством которого люди идентифицируют себя с определенной группой, известен как коллективная идентификация, и он зависит от множества культурных факторов, включая этническую принадлежность, религию, пол, возраст и т. д., а потому коллективную идентичность следует рассматривать как сложную иерархическую структуру. В отличие от экстрагенных видов коллективной идентичности культурная и этническая идентичности интерперсональны и коммуникативны, объективируя через действия людей и культурные произведения символический мир этноса или локальной культуры. Исследование культурной и этнической идентичности должно строиться на признании дискурсивной значимости высказывания, которое совершается культурой, социумом и индивидом через развитие регионального кинематографа, служащего одновременно проводником в мир коллективной идентичности и ее творца.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хомяков М. Б. Идентичность, толерантность и идея гражданства // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М.: Ин-т социол. РАН, 2006. С. 30–56.
2. Левичева В. Ф., Диманс С. Л. Социальная идентичность как результат неформальных взаимодействий «свой/чужой» // Вестн. РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение, 2023. № 2. С. 73–83. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2023-2-73-83>.
3. Немчина В. И. Доминирующие стратегии идентификации конструирования коллективностей // Гуманитарий Юга России. 2014. № 3. С. 121–128.
4. Немчина В. И. Фреймы воспроизводства коллективных идентичностей // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 7. С. 78–83.
5. Демичев И. В., Султанова Г. Д. Идентичность как социокультурный феномен // Logos et Praxis. 2017. Т. 16, № 3. С. 40–48. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2017.3.6>.
6. Головнева Е. В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 42–50.
7. Буденкова В. Е., Савельева Е. Н. Идентичность как предмет теоретико-методологического анализа: модели и подходы // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. Культурология и искусствоведение. 2016. № 1 (21). С. 31–44. DOI: [10.17223/22220836/21/4](https://doi.org/10.17223/22220836/21/4).
8. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М.: Кучково поле, 2016.
9. Бауман З. Текущая современность / пер. с англ.; под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008.
10. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. А. Д. Андреевой и др. М.: Прогресс, 1996.
11. Шульга Е. Н. Символический интеракционизм и рациональность. // Коммуникативная рациональность и социальные коммуникации. М.: Альфа, 2012. С. 275–287.
12. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979.
13. Schlesinger, P. Identidad nacional: Una crítica de lo que se entiende y malentiende sobre este concepto // Estudios sobre las Culturas Contemporáneas. 1989. Vol. II. N° 006. P. 39–98.
14. Habermas J. The theory of communicative action. Vol. 2: Lifeworld and system: A critique of functionalist reason. Boston, MA: Bacon Press, 1987.
15. Бидни Д. Концепция культуры и некоторые ошибки в ее изучении / пер. В. Г. Николаева // Антология исследований культуры. Т. 1. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 57–90.
16. Rodríguez Soriano M. O. Identidad, cultura y etnicidad: una aproximación teórica. Apuntes acerca de la problemática sociocultural e identitaria de los latinos en Estados Unidos // Novedades en Población. 2020. № 16 (32). P. 212–241.

17. Гашева Н. Н. Современное российское кино: культурологический аспект // Вестн. Кемер. гос. ун-та культуры и искусств. 2012. № 21. С. 90–100.
18. García Mendoza J. Exordio a la memoria colectiva y el olvido social // Athenea Digital. 2005. № 8. P. 1–26.
19. Крюкова О. А. Кино как маркер культурной идентичности (на материале кинематографа Квебека) // Франкофония: язык, культура и проблемы идентичности. 2020. Т. 11. С. 86–98.
20. Бахтин М. М. Лекции и выступления М. М. Бахтина 1924–1925 гг. в записях Л. В. Пумпянского // Собр. соч. в 7 т. Т. 1. М.: Русские словари, 2003. С. 326–342.
21. Shohat E., Stam R. Multiculturalismo, cine y medios de comunicación. Crítica del pensamiento eurocéntrico. Barcelona: Paidós. 2002.
22. Каган М. С. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис, 1997.

Информация об авторах.

Московчук Любовь Сергеевна – кандидат философских наук (2006), доцент (2013), доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 45 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия культуры, философия кино, кросскультурные исследования, аксиология, этика, философская антропология.

Кравченко Каролина Алексеевна – аспирантка, ассистент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 12 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия культуры, философия кино, философская антропология.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 18.04.2024; принята после рецензирования 07.05.2024; опубликована онлайн 24.06.2024.

REFERENCES

1. Khomyakov, M.B. (2006), "Identity, tolerance and the idea of citizenship", *Grazhdanskie, etnicheskie i religioznye identichnosti v sovremennoi Rossii* [Civil, ethnic and religious identities in modern Russia], Institute of Sociology RAS, Moscow, RUS, pp. 30–56.
2. Levicheva, V.F. and Dimans, S.L. (2023), "Social identity as a result of informal interactions Friend or Foe", *RSUH/RGGU BULLETIN. Ser. Philosophy. Social Studies. Art Studies*, no. 2, pp. 73–83. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2023-2-73-83>.
3. Nemchina, V.I. (2014), "The dominant strategy for the identification and production of collectivities", *Humanities of the South of Russia*, no. 3, pp. 121–128.
4. Nemchina, V.I. (2013), "Reproduction frames of collective identities", *Social and humanitarian knowledge*, no. 7, pp. 78–83.
5. Demichev, I.V. and Sultanova, G.D. (2017), "Identity as a sociocultural phenomenon", *Logos et Praxis*, vol. 16, no. 3, pp. 40–48. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2017.3.6>.
6. Golovneva, E.V. (2013), "Regional identity as a form of collective identity and its structure", *Labyrinth. J. of Social and Humanitarian Studies*, no. 5, pp. 42–50.
7. Budenkova, V.E. and Savelieva, E.N. (2016), "Identity as a topic of theoretical and methodological analysis: models and approaches", *Tomsk State Univ. J. of Cultural Studies and Art History*, no. 1 (21), pp. 31–44. DOI: [10.17223/22220836/21/4](https://doi.org/10.17223/22220836/21/4).
8. Anderson, B. (2016), *Imagined Communities*, Transl. by Nikolaev, V., Kuchkovo pole, Moscow, RUS.
9. Bauman, Z. (2008), *Liquid modernity*, Transl. by Asochakov, Yu.V. (ed.), Piter, SPb., RUS.

10. Erickson, E. (1996), *Identity: youth and crisis*, Transl. by Andreeva, A.D. et al., Progress, Moscow, RUS.
11. Shul'ga, E.N. (2012), "Symbolic interactionism and rationality", *Kommunikativnaya ratsional'nost' i sotsial'nye kommunikatsii* [Communicative rationality and social communications], Alfa, Moscow, RUS, pp. 275–287.
12. Bakhtin, M.M. (1979), *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics], Sovetskaya Rossiya, Moscow, USSR.
13. Schlesinger, P. (1989), "Identidad nacional: Una crítica de lo que se entiende y malentiende sobre este concepto", *Estudios sobre las Culturas Contemporáneas*, vol. II, no. 006, pp. 39–98.
14. Habermas, J. (1987), *The theory of communicative action. Vol. 2: Lifeworld and system: A critique of functionalist reason*, Bacon Press, Boston, MA, USA.
15. Bidney, D. (1997), "Theoretical Anthropology", Transl. by Nikolaev, V.G., *Antologiya issledovaniy kul'tury* [Anthology of cultural studies], vol. 1, Universitetskaya kniga, SPb., RUS, pp. 57–90.
16. Rodríguez Soriano, M.O. (2020), "Identidad, cultura y etnicidad: una aproximación teórica. Apuntes acerca de la problemática sociocultural e identitaria de los latinos en Estados Unidos", *Novedades en Población*, no. 16 (32), pp. 212–241.
17. Gasheva, N.N. (2012), "Modern Russian cinematography: cultural aspect", *Bulletin of Kemerovo State Univ. of Culture and Art*, no. 21, pp. 90–100.
18. García Mendoza, J. (2005), "Exordio a la memoria colectiva y el olvido social", *Athenea Digital*, no. 8, pp. 1–26.
19. Kryukova, O.A. (2020) "Le cinéma comme marqueur d'identité (sur l'exemple du cinéma québécois)", *Francophonie: langue, culture et problèmes identitaires*, vol. 11, pp. 86–98.
20. Bakhtin, M.M. (2003), "Lectures and speeches of M. M. Bakhtin 1924-1925 in the notes of L.V. Pumpyansky", *Sobranie sochinenii* [Collected works] in 7 vols., vol. 1, Russkie slovari, Moscow, RUS, pp. 326–342.
21. Shohat, E. and Stam, R. (2002), *Multiculturalismo, cine y medios de comunicación. Crítica del pensamiento eurocéntrico*, Paidós, Barcelona, ESP.
22. Kagan, M.S. (1997), *Filosofskaya teoriya tsennosti* [Philosophical theory of value], Petropolis, SPb., RUS.

Information about the authors.

Lyubov S. Moskovchuk – Can. Sci. (Philosophy, 2006), Docent (2013), Associate Professor at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 45 scientific publications. Area of expertise: philosophy of culture, philosophy of cinema, cross-cultural studies, axiology, ethics, philosophical anthropology.

Karolina A. Kravchenko – Postgraduate, Assistant Lecturer at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 12 scientific publications. Area of expertise: philosophy of culture, philosophy of cinema, philosophical anthropology.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 18.04.2024; adopted after review 07.05.2024; published online 24.06.2024.